ЭССЕ / ESSAYS

https://doi.org/10.34680/vistheo-2025-7-1-173-194

«Я очень люблю рисовать ангелов»: иконописец в пространстве современного города

С. С. Аванесов
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
Великий Новгород, Российская Федерация
iskiteam@yandex.ru

Э. Ч. Ярудова
Псков, Российская Федерация
elmira.iarud@mail.ru

Для цитирования:
Аванесов С. С., Ярудова Э. Ч. «Я очень люблю рисовать ангелов»: иконописец в пространстве современного города. Интервью // Визуальная теология. 2025. Т. 7. № 1. С. 173–194. https://doi.org/10.34680/vistheo-2025-7-1-173-194

Аннотация. В интервью обсуждаются темы «наивной» иконописи в пространстве культуры современного города, миссии религиозного искусства и свободы художественного творчества. Художник из Пскова Эльмира Ярудова отвечает на вопросы об универсальном и локальном иконописном каноне, об эмоциональной связи иконописца со своим занятием, о соотношении художественного творчества и социокультурного пространства, о взаимном влиянии изобразительного искусства и личностного роста, об особенностях региональной христианской иконографии, о языках и стилях современной иконописи. В ходе диалога проясняются позиции современного городского художника по поводу соотношения традиции и новаторства в сфере религиозного искусства, функций иконы, смысла художественного творчества, истории и перспектив иконописной традиции в России, визуальных аспектов культурной и конфессиональной идентичности.

Ключевые слова: современная иконопись, художественное творчество, религиозное искусство, городское пространство, конфессиональная идентичность, канон, культурный код, визуальный код.

Финансирование: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 24-18-00672 «Культурный код города: человек, история, идентичность», https://rscf.ru/project/24-18-00672/.

© Аванесов С. С., Ярудова Э. Ч., 2025
Великий Новгород, 19 августа 2024

"I really like to paint angels": Icon painter in the space of the modern city

Sergey S. Avanesov
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
Veliky Novgorod, Russian Federation
iskiteam@yandex.ru

Elmira Ch. Iarudova
Pskov, Russian Federation
elmira.iarud@mail.ru

For citation:
Avanesov S. S., Iarudova E. Ch. "I really like to paint angels": Icon painter in the space of the modern city. Interview. *Journal of Visual Theology*. 2025. Vol. 7. 1. Pp. 173–194. https://doi.org/10.34680/vistheo-2025-7-1-173-194

Abstract. The interview discusses themes of "naive" icon painting in the cultural space of the modern city, the mission of religious art and freedom of artistic creation. Elmira Iarudova, an artist from Pskov, answers questions about universal and local iconographic canon, emotional connection of an iconographer with his work, correlation between artistic creativity and social and cultural space, mutual influence of fine art and personal growth, peculiarities of regional Christian iconography, and about languages and styles of modern iconography. The dialog clarifies the positions of the contemporary urban artist about relationship between tradition and innovation in the sphere of religious art, functions of the icon, the meaning of artistic creation, history and prospects of the icon-painting tradition in Russia, and the visual aspects of cultural and confessional identity.

Keywords: modern icon painting, artistic creation, religious art, urban space, confessional identity, canon, cultural code, visual code.

Funding: the research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 24-18-00672 "City's cultural code: People, history, identity", https://rscf.ru/project/24-18-00672/.

Veliky Novgorod, August 19, 2024

Сергей Аванесов: Здравствуйте, Эльмира. Меня зовут Сергей Аванесов, я главный редактор журнала «Визуальная теология».

Эльмира Ярудова: Здравствуйте, Сергей.

С. А.: Хотелось бы составить разговор с Вами по итогам выставки в Великом Новгороде[1]. Ваши работы демонстрировались и на других выставках. При этом жанр Ваших произведений определён как «наивная иконопись». Чтобы выяснить, что это за жанр и каково его место в современном сакрально-визуальном пространстве, давайте попробуем поговорить о том, с чего начинался Ваш путь к «наивной» иконе?

Э. Я.: Я сначала такие фанерки рисовала, небольшого формата. Мне подсказали, говорят: если боишься, ты делай что-то дома и просто наклей. Это быстро: подошёл, наклеил, ушёл. Вообще незаметно практически. Первую я сделала со своим тегом, но мне потом сказали, что это дурновкусие – тегать себя. Ну, типа, это не очень в стрит-арте. И я, в общем, эти фанерки сначала делала, потом научилась у питерских уличных художников стикеры рисовать с такими ангелами, у меня есть с собой, могу подарить Вам, если хотите.

С. А.: Конечно.

Э. Я.: Я хожу, везде их клею. Такие ангелы мои авторские. Себе татуировку набила с таким ангелом. Я всё время размышляла, какую же мне сделать татуировку, хотела очень давно. Художники, кто на что запал, на себя переносят. Когда своё, оно же идеально подходит. Ну, вот они тут такие, разные. Мне скучно одних и тех же рисовать. Но они похожи, их узнают. Я даже детям дарила.

С. А.: Я узнаю уже, да.

Э. Я.: Хотите – возьмите.

С. А.: Можно взять?

Э. Я.: Конечно, можно несколько взять. Может, Вам захочется куда-то их пихнуть на стену.

С. А.: Да, захочется.

---

[1] Выставка икон диакона Андрея Бодько (Беларусь) и Эльмиры Ярудовой (Псков). Великий Новгород, арт-пространство «Бульвар», 5 июля – 19 августа 2024.

Э. Я.: Так давайте, я Вам оставлю.

С. А.: Должно быть исключительно что-то одно. Ему не сразу место найдётся. Место должно соответствовать.

Э. Я.: Да. А после стикеров у меня – керамические ангелы, такого же плана: у них квадратное лицо, по бокам крылья и вот так ножки. Вот такого они примерно размера. Их подружка запекает, она керамикой занимается. В машине есть, если захотите, покажу. У нас в Пскове вообще не развит стрит-арт, особенно в плане барельефов. Очень редко рисуют, и то какие-нибудь заезжие гастролёры. У нас очень мало стикеров. Я видела, наверное, 4–5 разных, кто клеит. А барельефов – вообще пустота. Это прямо ниша такая. Ну, видимо, я вот нашла её себе. Они очень хорошо смотрятся в городе, я вам покажу сейчас. А стикеры – они такие индустриальные, их можно лепить на столбы, дорожные знаки.

С. А.: В Новосибирске стекло используют, стену украшают стеклянными фигурками.

Э. Я.: Да, и мозаику делают, ну, разное. Вот мне очень нравятся объёмные фигуры, и нравится, что это можно очень быстро прилепить и уйти, и это очень красиво, на самом деле, и это не похоже на вандализм.

С. А.: А это всё анонимно?

Э. Я.: Я не клею подпись. Я разное пробовала, стикеры остались, и вот керамические ангелы остались. Я их теперь просто видоизменяю, но всё равно, из-за того, что они из моих рук, они все похожи. Я говорила уже, что детям дарила стикеры. Я в мастерской рисовала, они зашли, там мастер-класс проходил. Я говорю: «Хотите, я вам подарю, куда-нибудь налепите?» Ну, так же, по одному. Они: «О, мы видели у себя на площадке!» Хотя они все разные, но, значит, всё-таки почерк узнаваем. Они горизонтальные, вертикальные, и крылья разные абсолютно, с разными орнаментами. Ну, в общем они узнали, обрадовались и взяли.

С. А.: То есть вы работаете в разных манерах, в разных жанрах?

Э. Я.: Да. Ну, вот икона – это то, где не до конца мне удаётся посублимировать, потому что ты там постоянно борешься с каноном, с предрассудками. А ещё я рисую бумажные цветы, ну, в смысле – на бумаге, большие. И потом очень часто эти цветы перекочёвывают в иконы, в букеты, как у ангела или у Богородицы.

С. А.: В иконографии же как раз очень много цветов.

Э. Я.: Если честно, в коптской, в народной румынской иконе на стекле, да…

С. А.: У архангела Гавриила всегда цветы.

Э. Я.: Ну, это, наверное, единственный, у кого есть цветы, и неувядаемый цвет у Богородицы, есть такая иконография. А вот так, чтобы по фону были раскиданы… Я иногда по фону раскидываю цветы.

С. А.: В эсхатологических сюжетах райские цветы встречаются. А всё же почему иконопись? И что для вас иконописный канон: что это что-то сдерживающее, или, наоборот, канон – это то, что придаёт специфичность иконописи? Как Вы относитесь к канону?

Э. Я.: Я-то знаю, что канонов никаких нет, это предрассудки, потому что нет ни одного Вселенского собора, где были бы прописаны какие-то каноны. Это невежество людское, когда мне кричат, что «Вы неканоничны». Я, скорее, в архаичной технике рисую, вдохновляюсь древней Каппадокией, эфиопами, коптами. Может быть, они мне близки, потому что я не совсем русская, у меня корни лез-

гинские. Потому что они смелые, у них же каждая линия выразительна. Они захотели здесь для выразительности сломать ногу в трёх местах. Сцена же всё равно узнаваема, ты всё равно видишь, что это Крещение. Но у тебя особым образом падает взгляд, ты начинаешь улыбаться. Вот взять какую-то коптскую живопись. Ты просто останавливаешься ошарашенно, улыбаешься, запоминаешь, фотографируешь. Такого действия не производят иконы, которые висят в храме, золочёные, все в окладах, строго нарисованные, Рублёв, Дионисий, – и всё, и дальше не отклониться. Я знаю, что нет таких канонов, чтобы были прописаны только так и не иначе. Есть каноны такого рода, что, например, Иоанн Предтеча рисуется в определённой «волосатой» одежде, потому что он был пустынник. У него хохолок такой, кудрявые волосы, как, например, у Христа; но у Христа нет такого хохолка, как у пустынника, он как будто всклокоченный. Мария Египетская рисуется худой, измождённой женщиной, в каком-то рубище, которое она у монаха попросила прикрыться. Только такие есть примерные какие-то указания, чтобы узнаваемость была, чтобы, не прочитав надпись, ты уже понял, кого ты видишь перед собой. Хотя, например, многие пустынники – с длинными бородами, волосатые такие, то есть пока ты надпись не прочитал, ты не понял, кто это. Жён, например, праведных и мучениц, рисуют очень похоже. И вот всё.

Эльмира Ярудова. Троица (слева). Святая великомученица Варвара (справа)
Фото: Сергей Аванесов, 2024

Мы же на сто лет, получается, остались без иконописи: революция, послереволюционное время. Было время копирования, потом оно прервалось, но мы сейчас-таки продолжаем копировать, хотя все средства, чтобы скопировать, есть в Софрино. Любые тебе размеры, форматы. И ты чувствуешь себя принтером.

Я начала с обычной иконы. Я брала уроки, училась у человека, который расписывал собор. Он вдруг на Авито выставил объявление, а я случайно наткнулась, и брала у него пару лет уроки. И мне стало до такой степени плохо, я прямо выгорела. У меня стояла недорисованная работа в мастерской. Я не могла… Я придумывала себе любые дела, только бы не заходить и не дорисовывать.

С. А.: Почему Вы выгорели? И как вообще происходит это выгорание?
Э. Я.: Потому что это скучно.

Эльмира Ярудова. Вход Господень в Иерусалим
Фото: Сергей Аванесов, 2024

С. А.: То есть Вы выгорели просто потому, что Вам приходилось копировать, да?
Э. Я.: Да.
С. А.: Повторять?
Э. Я.: Потому что ты – принтер, ты не художник, ты не можешь шаг вправо, шаг влево ступить. Вот мученица рисуется, у неё одежда должна быть такого цвета, плат у Богородицы такой. На самом деле может быть любой. Вы видели, наверное: здесь на выставке была Эфиопская Богородица большая. Когда в Пскове была выставка, туда водили студентов из колледжей. Меня просили приехать и поговорить, объяснить, чтобы они не просто походили, поглазели, а поняли, почему именно так, что меня толкало так рисовать. Я приезжала, проводила для них обзорные беседы, чтобы чуть-чуть рассказать. И всё рассказала, полчаса рассказывала. Есть вопросы? И девушка подходит, говорит: а я вот в воскресной школе училась, когда была маленькой, нам сказали, что Господа можно рисовать вот только так, то есть Он должен быть (я передаю её слова) голубоглазый еврей с коричневыми волосами, и всё. А, например, эфиоп нарисует эфиопа, китаец нарисует китайца, и это будет тот же самый Христос.

Я приехала домой, нарисовала (у меня кусок столешницы был, остался от кухни), думаю: в следующий раз я им привезу, покажу, что это есть в мировой живописи, есть вот такая Богородица, Она ничуть не хуже, не лучше. Она, может быть, не похожа на то, что строгое в храме. Но я точно знаю, что для современного человека мои образа, которые они видят, они им нравятся. Некоторые, конечно, очень жёстко воспринимают, говорят, что не каноничны, всё, развернулись, ушли. А некоторые говорят: Он близкий, Господь, и Божья Матерь, мы их хотим дома повесить, они не такие, как в храме, к ним не страшно обратиться. Ну, близкие какие-то.

А в чём, в чём, я думаю, задача (я не знаю, опережаю ли я Ваш вопрос), в чём задача иконописцев, которые, через сто лет выпадения из этой художественной обоймы, начинают что-то делать. Это же поиск какого-то современного языка, который будет понятен сейчас. Я, может быть, даже не претендую на то, чтобы владеть современным каким-то языком, но, например, мне кажется, что мы можем стать перегноем, на котором впоследствии вырастут прекрасные какие-то иконописцы наподобие Рублёва или Дионисия, которые будут говорить на понятном людям языке, а не сухая вот эта рублёвщина, которая уже давно не бодрит. От этого же и споры всякие возникают. Я год прозанималась, стали снимать лекцию в каком-то храме, выложили лекцию на YouTube, и я там была дурным примером. Прямо из моего канала взяли мои фразы, что я там говорю, например, что-то объясняю, мои фотографии, и как дурной пример выставили: вот есть такие сейчас современные художники, кто позволяет себе некую недоговорённость, кто экспрессию в работы какую-то вводит; в общем, такой скандальный пример современного иконописца. И я потом поехала в Москву на финисаж выставки одной иконописицы. И меня так представили: это, говорят, из Пскова самая скандальная художница.

Получается, я всего год в этом наивном ремесле. И, ну, не знаю, меня бодрит, например, то, чем я занимаюсь. Как я сдавала иконы в Псково-Печерский монастырь, в лавку (на тот момент, когда я рисовала копии), так и сдаю. Только что там батюшки не падают в обморок, но они берут, и люди покупают.

С. А.: Это иконы, которые написаны именно в вашей манере, да?

Э. Я.: Да.

С. А.: То есть это не копии образцов?

Э. Я.: Нет. И когда люди покупают икону, спрашивают в лавке: а кто автор? И я потом узнала, что меня люди вот так находят несколько раз. Я говорю: как вы меня нашли? Они говорят: а мы в лавке спросили фамилию, и в ВК, например, нашли меня, и в Телеграме мне пишут: хотим ещё икону побольше, или просто подписываются, смотрят что-то.

С. А.: То есть можно говорить, что кому-то, грубо говоря, заходит, да?

Э. Я.: Ну, да, особенно современной молодёжи.

С. А.: У меня возникло несколько вопросов к тому, что вы сказали. Вот Вы говорите, что китаец пишет Божью Матерь, скажем, с узкими глазами, эфиоп пишет Её темнокожей. А в чём смысл написания Божией Матери темнокожей? Это образ, который должен быть понятен вот этим людям, или икона – это всё-таки некая иллюстрация, скажем, к Священному Писанию или Преданию? Ведь если мы говорим, что икона изображает Божью Матерь, которая описана в Евангелии, то почему и для чего Она здесь стала темнокожей?

Э. Я.: Она же не описана в Евангелии. Мы просто знаем из Предания, что Она еврейского происхождения. Она же не описана.

С. А.: Мы же можем предположить, что Она и внешне должна выглядеть как еврейская девушка, а не эфиопка.

Э. Я.: Ну, а я говорю, вот все те, кто Её пишет, изображают Её не так. Они что делают?

С. А.: Вот я и хочу задать этот вопрос. Что они делают? Это же получается не иллюстрация, а выражение своего представления. О чём?

Эльмира Ярудова. Спаситель (слева). Архангел Михаил (справа)
Фото: Сергей Аванесов, 2024

Э. Я.: Образ – это же молитвенное изображение, перед которым ты можешь молиться, да? Мне, например, не молится перед тем, что мне не нравится как искусство. В храме иконы какие-то выглаженные, вылизанные, с этой многослойной заливкой. Я же понимаю, как всё сделано, и оно меня, ну, не знаю, не бодрит. Я не подойду к ним молиться. А моя эфиопская (это из моей домашней коллекции, она у меня стоит, я вот её на выставку отдала, стоит на обеденном столе у стены) – я перед ней молюсь, и у меня никакого не возникает триггера, что это не Богородица. И потом, я считаю, я не в последнюю очередь занимаюсь искусством. А искусство, оно что? Оно же должно какой-то отклик находить, вызывать бурю эмоций, неважно каких, оно не должно быть тем, что вот нечто золочёное висит. Сейчас же ещё стали золотить так (есть такая манера), что ты можешь, как в селфи фоткаться – видишь себя в отражении.

С. А.: Зеркальная поверхность?

Э. Я.: Да, как таз эмалированный. Я, например, даже за то золото, которое живо кладется такими заплатками, за серебро, чтобы оно тоже заплатками, когда даётся ему время почернеть, оно становится такое живое. Я доски выбираю вручную. Если они прямые, я не могу на прямых рисовать, у меня не складывается с ними. А вот если выбрать стамеской, они такие – живая поверхность становится. Левкашу также, чтобы оно было вот такое, неровное, не идеальное. Раньше левкасила до кафельного состояния, получался кафель, золотить очень хорошо.

С. А.: Неровная поверхность – как стены псковских храмов, они же в основном такие шероховатые, неровные, или как окна в новгородских храмах, они же кривые и не одинаковые. Вы не думали, почему это так?

Э. Я.: Я думаю. Я вообще была выращена в жёсткой, ортодоксальной, религиозной семье, и это всё было такое очень жёсткое, перфекционистское такое: только такой длины платья, только так, только вот здесь.

С. А.: Ну, то есть, Ветхий Завет?

Э. Я.: Среда, пятница. И очень, очень мне самой близко вот это раскрепощение, какое-то нарушение правил, притом таких правил, которых на самом деле не существует. У меня просто трое детей, я вот пытаюсь им донести, что всё то, что нам говорили, когда нас растили, – ты обязан проучиться 11 классов, поступить в институт, стать полезным членом общества, – абсолютно же нет, это же такая неправда. Ну, а если тебе нравится отучиться 9 классов и пойти, с такими буддийскими наклонностями, мести улицы и, например, не знаю, фоткать листики, гусениц. Ты что, отброс?

С. А.: Это же тоже польза для общества, просто у нас польза обычно понимается функционально, утилитарно.

Э. Я.: Это так. А Вы представляете, я в 40 лет была функциональной мамой, которая ни шага вправо, ни шага влево, потому что на тебя смотрят дети. А потом у меня бабахнул кризис среднего возраста, я отрезала свои длинные волосы, покрасилась и стала ходить к психологу.

С. А.: Легче стало?

Э. Я.: Да, и мне кажется, что это всё очень логично. Ведь я в таких жёстких религиозных рамках выросла. Я жила три с половиной года в монастыре, собиралась постриг принять. Потом поехала доучиться и случайно замуж вышла как-то там.

С. А.: Это вы в Снетогорском жили?

Э. Я.: Да. А Господь же не требует чего-то такого жёсткого, наоборот. Я часто думала: жила бы я так, как я жила, если бы не ждала Страшного Суда, не думала о загробной жизни? Человеку же просто свойственно быть добрым, не знаю, поднять муху из лужи, помочь бабушке.

С. А.: Не потому, что это приказано?

Э. Я.: Да. А вот вырастили нас как раз такими. Мама с папой из жёсткого советского, разваленного, перешли в жёсткие рамки религиозные.

С. А.: Да, такое зачастую бывало.

Э. Я.: И я уже выросла, ушла из дома, а всё равно у меня внутри был постоянно голос мамы, голос папы, которые мне говорили: ты неполезно провела день.

С. А.: А как это у Вас происходило – такое жизненное изменение, от монастырского устава к нынешнему положению дел? Вы какую-то идею выдумали, скажем, или решили так и потом стали перестраиваться? Или это всё естественным образом шло, само собой?

Э. Я.: Нет, естественно. Наверное, я просто очень долго была правильным человеком, а потом я решила пойти к психологу, потому что мне показалось, что можно внутри что-то наладить. Я стала следить сначала, в Инстаграме читать, и она мне показалась такой наукой какой-то очень сродни религии: милостивая такая, мудрая психология, слушающая. Как будто с той стороны у тебя кто-то есть, какой-то собеседник, психолог, который просто такой надёжный взрослый, который тебя может выслушать. И я решила пойти, и мне показалось, что у меня внутри чуть-чуть наладится, умолкнет этот критик бесконечный, который меня уже измотал: «Ты не рисовала, ты не добилась, ты плохая мама».

Например, я очень сильно переживала за то, что я холодная мама. Когда дети чуть-чуть подрастают, когда они становятся на людей похожи уже, не маленькие такие кабачочки, которые пахнут сладко, а когда они уже вот такие – пять-шесть лет, а я уже не могла их тискать, много обнимать. И я себя много лет терзала, мне казалось, что я не додаю тепла. А когда пошла к психологу, оказалось, что это просто связано с детством, что я просто им вред боюсь причинить, и достаточно было мне это понять, чтобы я смогла обнимать вообще всех, и мне при этом не было внутри больно. Поэтому, наверное, да, это гармонично так шло.

С. А.: Этот ваш внутренний мир как-то отражается в тематике, стиле вашего творчества?

Э. Я.: Да, наверное. Вот экспрессивность выплёскивается, не иначе. И смелость, которая есть у таких не-копиистов, которые не смотрят на образец, не ставят его перед собой. Вот берут доску и рисуют Богородицу. И Она, наверное, – какая-то совокупность их насмотренности. И Она такая одна. И ты прямо чувствуешь, что они не боялись, они нарисовали.

С. А.: Вы занимались иконописью. Вы же как-то, наверное, представляли себе, а может быть, и сейчас тоже представляете, чем иконопись отличается от живописи, и отличается ли? Обычно их различают, причём довольно жёстко. Есть ли такое различие у Вас?

Э. Я.: Я, наверное, сказала бы, что у меня – это религиозное искусство, но оно искусство. И не в последнюю очередь, далеко не в самую последнюю очередь, но, наверное, на втором месте – это молитвенный образ. Но это искусство.

Эльмира Ярудова. Божья Матерь (слева). Богородица (справа)
Фото: Сергей Аванесов, 2024

С. А.: Да, искусство, которое обращено к верующему человеку и должно играть роль медиатора при молитве. А живопись как таковая ведь может быть

просто иллюстративной, её можно наблюдать со стороны, она может нравиться или не нравиться, человек может получать от неё какие-то чисто эмоциональные впечатления.

Э. Я.: Так и иконы тоже нравятся или не нравятся.

С. А.: Это понятно, но живопись не обязана быть молитвенным медиатором, это не её функция, правильно?

Э. Я.: Она не обязана быть молитвенным медиатором, она должна быть медиатором в другом. Она тоже свою роль играет. Это же искусство, которое должно тебя… У тебя внутри всё тренькать должно.

С. А.: Ну, это понятно. Это как раз психология. А не думаете ли Вы, что у иконы есть такая функция, которой нет у религиозной живописи, а именно – функция духовная?

Э. Я.: Наверное, просто икона чуть больше, чем живопись. Я не хотела бы уйти в религиозную живопись из жанра иконы; поэтому я отдельно занимаюсь стритартом, отдельно рисую цветы и отдельно рисую иконы, и большая часть моего рисования – это иконы.

С. А.: То есть для Вас важны именно иконы. Именно то, перед чем человек может находиться в молитвенном состоянии, обращаясь к первообразу, который на иконе изображён. Так?

Э. Я.: Да, но при этом я не могу работать на заказ. Мне, конечно, можно сказать, что вот такая гамма нравится. Могут скинуть какой-то образ и сказать, что вот эта гамма очень близка, не знаю, например, зелёно-розовая, а я могу постараться писать в этой гамме. Но в основном у меня покупают из наличного. И вообще я рисую не для того чтобы продавать это, особенно что-то необходимое мне. Я преподаю в студии детям рисование, неакадемическую живопись, наив народный, но у меня нет образования (я обучалась в частной студии); помогаю бабушке, что-то делаю, не знаю, цветы рисую, которые ни к чему не обязывают. И я рисую не потому, что ориентируюсь на то, что зайдёт кому-то, например, будет продаваться. В таких случаях у меня всё пропадает сразу же. Это же не хлеб, это иконы. И при этом ты можешь спокойно купить софринскую икону, которая будет в десятки раз дешевле стоить, но их именно моё трогает же…

С. А.: Софринские иконы – не совсем иконы, потому что это не ручное письмо. Это же печать.

Э. Я.: Икону же нельзя поставить вниз головой, не знаю, бросить. Это же образ Богородицы. Я, например, не куплю себе такую, но, если я увижу на улице валяющуюся, я подниму, к храму отнесу, не знаю, подарю кому-нибудь, дома поставлю.

С. А.: Это вот опять к вопросу о каноне. Вообще, если какой-то иконописный канон существует, то туда обязательно входит понятие о том, что иконописец должен с молитвой писать икону и, естественно, писать рукой. Печатный станок молиться не будет, поэтому сразу возникают вопросы по поводу этих софринских печатных икон.

Э. Я.: Их же освящают?

С. А.: Их освящают, да.

Э. Я.: И мои освящают. Ну, я имею в виду, когда не у меня люди покупают, а в лавку берут. Я знаю, что у них там есть чин освящения.

С. А.: Но освящают, Вы знаете, автомобили и не только.

Э. Я.: А вообще, знаете, да, что первым освящением иконы считается, когда на неё наносятся буквы, говорящие, кто нарисован? То есть, если до того, как подписана там, не знаю, праведная Надежда, то это просто картинка. Когда у меня спрашивают, надо ли нести мою икону в храм, я говорю, что первое освящение – это написание букв, которое я делаю.

Эльмира Ярудова. Успение Божьей Матери. Фото: Сергей Аванесов, 2024

С. А.: Конечно, образ должен быть надписан обязательно, чтобы люди не гадательно смотрели на икону, а понимали, к кому они обращаются посредством этого образа. Отсюда и необходимость надписания. Отсюда и, так сказать, фундаментализм в этой области, когда не надписанные иконы иконами не считают, хотя они, написаны по канону, ну, то есть по византийским приёмам. Я понимаю, почему Вы критически говорите о каноне, но Вы же представляете себе, как появился канон, зачем он появился, если появился, и для чего.

Э. Я.: Ну, что такое тогда канон по-вашему? Кроме надписания икон, какие существуют каноны?

С. А.: Канон определяет, к примеру, как надо писать лики.

Э. Я.: Есть такие каноны, как надо писать лики?

С. А.: Есть прямо целое пособие, иконописный подлинник.

Э. Я.: Пособие – это не каноны. Каноны – это что-то, утверждённое Вселенскими соборами, неизменяемое. Такого нет. Есть рекомендации, например, левкасить доски и так далее.

С. А.: Ну, это скорее технология, а я имею в виду само изображение. Как должен изображаться Спаситель, если изображается именно Он, как – Божия Матерь, что означают те или иные символы, что они означают? Почему именно они должны быть на иконе? То есть, какой-то такой набор элементов…

Э. Я.: Но нет жёстких правил, какого цвета должен быть тот или иной элемент одежды, как должны быть расположены руки, вот этого же нет. Есть то, что Вы сказали, но это не жёсткие требования. Если подумать, то ничего такого не наруша-

ется в румынских народных иконах, в эфиопских. Ну, кроме цвета кожи, но это же очень объяснимо, потому что люди рисовали и рисуют с тем цветом кожи, который и у них самих. То есть это просто их красота какая-то, да? Что для них считается красивым, то они и рисуют.

С. А.: И это можно объяснить также тем, что они же считают, что Христос пришёл и к ним, а они вот такие. Ну и, соответственно, раз Он наш, то вполне естественно вот таким Его и изобразить.

Э. Я.: А к канону я критически не отношусь, я критически отношусь к такому «традиционному» канону.

С. А.: Критически – в смысле свободно? Иначе говоря, не отрицательно, а критически – как к тому, что Вы можете поставить под вопрос и объяснить?

Э. Я.: Просто в традиции это всё так высушено уже. Если вы хотите всё время видеть Рублёва, это достаточно сканировать. Столько средств уже есть. Почему существуют художники с тех пор, как появился фотоаппарат? Потому что они выражают как раз-таки далёкие от реальности вещи. То, что фотоаппарат сфотографирует, это красиво. Хотя и там люди занимаются творчеством, они и в фотографии уже давно пытаются сломать перспективу, сделать какой-то такой кадр, который схватывает то, что ты просто так не увидишь. Чтобы поразить, да? А художники тем паче.

С. А.: Так и для канонических икон как раз свойственны многочисленные именно художественные приёмы. Это же не рисование с натуры. Например, в классической иконе нет теней. А в том, что называется иконой, скажем, в девятнадцатом веке (ну, вот в любой храм зайдите, который расписан был в девятнадцатом, в конце восемнадцатого века), там уже есть тени. Это уже скорее религиозная живопись, а не икона. Традиционная иконография как раз не изображала того, что мы видим физическими глазами.

Э. Я.: Да, потому что мы же горнее рисуем, получается, то, что не видели. Андрей Бодько, работы которого тоже были на выставке, говорил, что это ещё тем труднее, что ты рисуешь не натюрморт, ты не можешь поставить перед собой и нарисовать. И даже художники, когда они рисуют натюрморт, у них из десяти работ одна удачная, одна неудачная, восемь посредственных; соответственно, и в нашем поиске не всё, можно сказать, удачно. Я имею в виду, что даже если бы мы стали просто перегноем для какого-то Рублёва в будущем, который только будет на том языке говорить, не на рублёвском, уже ведь не XV век, чтобы разговаривать с человеком XXI века на языке XV века. Я не против сохранения древностей, я очень бережно, трепетно к ним отношусь, мне очень нравятся старые иконы, но в современной иконописи они настолько выхолощены! Я даже не знаю, как это объяснять, это же видно и чувствуется. Когда ты рисуешь новое новыми красками на новой доске… Там же половина стёрта, на том, что мы видим в музее: что-то где-то темнеет, олифа и так далее. Ты на мои работы сто лет накинь вот этой древности – они же совсем по-другому заговорят. Этот налёт даёт такое благородство. Многие иконы, например, с белыми фонами – это же просто счищенное золото, так их сохраняли. По-моему, это непродуктивно: разговаривать с людьми двадцать первого века на языке пятнадцатого или, допустим, восемнадцатого. И вот я, наверное, просто не могу заниматься тем, что меня не бодрит, во мне отклика не вызывает. И поэтому я человек «непродаваемый», я очень много

рисую в стол. Я рисую каждый день, и вот почему я могу сделать выставку? Потому что у меня дома от сорока до шестидесяти работ стоит просто в комнате. Я просто для себя это делаю, говорю то, что мне близко.

С. А.: А что вы называете языком? Вы говорите, что язык иконы должен меняться. Вы имеете в виду, что, условно говоря, истина всегда одна и та же, но для разных поколений нужны разные, собственные художественные языки? Так?

Э. Я.: Да, собственные художественные языки.

С. А.: И какой он, на Ваш взгляд, современный художественный язык?

Э. Я.: Если бы я знала, я бы на нём говорила. Я только ищу.

С. А.: Понятно. Но Вы можете показать на свою работу, если хотите: вот он язык, вот такой? И возможны ли различные современные языки для выражения одной и той же истины?

Э. Я.: Конечно, различные.

С. А.: Близкие к канону и далёкие от канона?

Э. Я.: Некоторые же не воспринимают новое и любят только копийное, что-то очень такое малоцветное, со сглаженными тонами и линиями. Как Рублёв рисовал, как тот же Дионисий.

С. А.: Дионисий очень разноцветный, всё у него красиво.

Э. Я.: То, что мы сейчас видим из сохранившегося.

С. А.: Ферапонтово, Вы имеете в виду, да? Вообще, все средневековые иконы изначально не были тёмными, они же были очень яркими.

Э. Я.: Но они и не были одинаковыми.

С. А.: Конечно.

Э. Я.: Но сейчас всё получается одинаковым, какой-то постоянный и бесконечный станок. Московская Академия, Питерская Лавра выпускают поток людей, которые штампуют одинаковые эти вот копии. Вы посмотрите на ранние иконы: ты приходишь в музей, а они все разные. Если бы существовал, как Вы говорите, жёсткий канон, они – вот, например, владимирские – бы были все одинаковые.

С. А.: Нет, речь не о том, что канон какой-то жёсткий, ведь канон – это набор базовых правил, которые устанавливают какие-то общие, рамочные принципы изображения одного и того же.

Э. Я.: Ну, да, Богородица держит на руках Младенца.

С. А.: У неё покрытая голова, на её омофоре восьмиконечные звёзды.

Э. Я.: Причём же где-то треугольники ставились, где-то ромбы, где-то цветы, где-то снежинки. Это просто потому в трёх местах, что до Рождества, во время Рождества, после Рождества Дева. Это же её приснодевственность этими знаками обозначена. Но есть иконы, до нас дошедшие, на которых этих знаков нет, и просто заткано всё поле, например, лилейниками. Это вообще говорит о том, что свобода-то есть, была и будет. Просто можно упереться во что-то, сказать: «Я по канону», если ты, наверное, вырос в такой семье, в таком ортодоксальном, достаточно жёстком обществе. Но ты можешь сравнивать то, как ведут себя вот эти верующие в храме, как они, например, соблюдают посты, но при этом делают вещи, которые не сделает атеист просто из-за порядочности. Я очень часто с таким сталкивалась, и я как раз-таки на стороне того, чтобы это из сердца исходило, а не из-за того, что мне, не знаю, завтра исповедоваться, а в среду я пощусь, а в воскресенье мне нельзя сексом заниматься. Вот из-за этого, наверное, и художество

такое. Я считаю, что есть какая-то прослойка людей, и этого достаточно для того, чтобы мне было что сказать, а мне этим априори заниматься интересно. Я покупаю дореволюционные доски старые, из Астрахани мне присылают, такие кривенькие все, косенькие.

С. А.: Какую роль для вас играет сама форма?

Э. Я.: Я, когда в иконописном магазине «Агат Зуб» покупала ровные доски, мне их приходилось стамеской, хотя бы лицевую сторону, немножко выбирать, чтобы она такая живая стала.

С. А.: А форма? Внешняя форма? Я увидел у Вас на выставке разные формы произведений.

Э. Я.: Да это же просто: я же не могу выбрать. Мне вот человек, который антиквариатом занимается, фотографии присылает, говорит: «Хотите такую? Какой размер хотите?» На выставку, например, надо больших размеров. Вот у меня есть такое, с арочной формой, есть другое. Получается, что я просто могу взять или не взять. И у меня куба три досок под лестницей лежит, я их беру.

С. А.: А почему так? Это что-то выражает, вот эта неровность?

Э. Я.: Ну, она же продолжает мой живой какой-то язык.

С. А.: То есть соответствует вашему отношению…

Э. Я.: Не перфекционисткому. Есть какой-то антипод перфекционизму, я не могу такого слова придумать. Анти-перфекционизм. То есть я против всего вылизанного, выглаженного, вышлифованного. У меня дома куча шкурок, понятно же, что я вышкурить всё могу до кафеля, но оно не будет вязаться с моей живописью, такой экспрессивной.

С. А.: А у Вас есть собственный канон для себя? Какие-то границы, за которые Вы не позволяете себе выходить и которые как-то Вами для себя осмыслены?

Э. Я.: Какие границы? Ну, я голого святого не нарисую.

С. А.: Значит, всё-таки есть какой-то ваш собственный канон?

Э. Я.: И я никогда не переверну икону, если у меня есть возможность нести её не вниз головой.

С. А.: Нет, а вот для самого изображения есть какие-то правила?

Э. Я.: Ну, конечно, потому что это же для меня как близкие. У меня спрашивали, когда кто-то со мной в спор вступал и говорил: «Это же наш Отец Небесный, Матерь Небесная, вы бы так согласились, чтобы вашу маму, папу, бабушку нарисовали?» Как раз согласилась бы! Я на академизм и не соглашусь. Я попросила бы, чтобы меня нарисовал кто-то, как вот этот мальчик: маму, папу, бабушку, меня. У нас в Пскове, например, есть Таисия Швецова, наивный художник. Она мне портрет мой нарисовала в наиве, это прекрасно, просто, я не буду другого искать, и для меня это не оскорбление.

С. А.: Дети так рисуют родителей, когда им два-три года.

Э. Я.: Почему же вот эта милота, когда она от детей, считается кощунством, когда она не от ребёнка? Это наоборот же: ты учишься, а потом хочешь обрести такую свободу, как ребёнок, и забыть всё…

С. А.: То есть быть, как дети?

Э. Я.: Да. Ну, да, это же с религиозной точки зрения очень близко тому, что говорил Господь. Я, например, когда начала рисовать, я такое начала пробовать после того, как наткнулась на Андрея Бодько в Инстаграме. И когда я начала рисо-

вать, то уже он от меня стал заражаться какой-то смелостью, потому что, видимо, у него есть какие-то оковы религиозные, а у меня их нет, потому что я не чувствую в этом оскорбления. Андеграунд, наив – вот это для меня лучшее искусство. Я за ним прямо гоняюсь. Где-то я могу выменять, потому что мне финансы не всё позволяют купить. Я собираю дома коллекцию наива. Таисии Швецовой у меня работ семь, наверное, я не могу остановиться, как к ней приезжаю, ещё готова купить много.

Эльмира Ярудова. Тайная вечеря. Фото: Сергей Аванесов, 2024

С. А.: А вот наивная икона – это довольно неточное понятие, да? Что Вы к этому относите и как это на Вас повлияло?

Э. Я.: Ну, я на неё просто наткнулась.

С. А.: Вы не копировали же наивную икону?

Э. Я.: Нет, просто увидела работы Андрея Бодько, посмотрела, удивилась, думаю: «Что же он делает, почему он так рисует?» Стала за ним следить, а Инстаграм – это же такая штука: ты если перешёл в аккаунт, завис на этих изображениях, она же всё чаще и чаще подкидывает такое же. А он не один в России, у нас есть человек шесть таких, которые так рисуют, и мы уже давно дружим, ездим друг к другу в гости и друг друга вдохновляем, работами делимся и просто общаемся, в конце концов. Так вот, я стала за ним наблюдать и подписалась потом на него в Телеграм. Я, наверное, полгода наблюдала, читала, иногда задавала вопросы, пыталась понять, почему так? Почему они так делают? И потом решила, что сама попробую. Меня так это бодрит, меня так каждая работа останавливает, вызывает улыбку, восхищение. Я готова всё это скупить и складывать у себя дома, чтобы просто это иметь.

С. А.: Это всё о том, что у Вас как бы внутренний, душевный отклик на такие работы. А есть ли у Вас какая-то задача, которую Вы решаете, когда Вы свою работу демонстрируете, выставляете, может быть, дарите? Чувствуете какую-то миссию? Или, может быть, какую-то цель в отношении других людей?

Э. Я.: Ну, немножко.

С. А.: Не просто же Вы самовыражаетесь, а Вы, наверное, думаете ещё и о том, как это отзовётся в людях.

Э. Я.: Ну, очень немножко. В первую очередь я просто делаю то, чего не могу не делать. Мне приходится деньги-то зарабатывать в других местах. А это просто… К примеру, у меня был плохой день, и я бегу в мастерскую рисовать, чтобы выплеснуть усталость, просто порисовать.

С. А.: А тогда кому это? Кому это всё предназначается? Это же не для того, чтобы Вы сами на это смотрели. Кому это?

Э. Я.: Ну, прежде всего, я же и есть тот, кто их смотрит. И другие приходят. На выставке можно показать людям, что есть не только Дионисий, Рублёв и его последователи, не только копиисты и академическая живопись. Показать вообще, что есть такой жанр, чтобы они так не удивлялись и не говорили: «Что вы делаете?» Даже если, как мне кажется, начать просто копировать эфиопское, и его стало бы больше, то это уже повысило бы насмотренность у людей, и не будет их так шарахать от этого.

С. А.: А как Вы думаете, влияет ли на человека то, что он видит, на что он смотрит, то, что смотрит на него. Вот этот визуальный контекст его жизни, в том числе художественный контекст, насколько это влияет на человека, влияет ли вообще?

Э. Я.: Думаю, да, но не всё.

С. А.: Какие-то люди не видит Ваших работ, может быть, даже икон в них не видят. Я к тому, что всё-таки важно учитывать, кто реально смотрит на Ваши работы.

Э. Я.: Просто получается, что какой-то человек никогда в храм не заходил. Ну, да, не ходил никогда. Храм – это строгость, это какие-то законы, каноны, посты, молитвы. Я очень часто сталкивалась с вообще невоцерковлёнными людьми, и покупают у меня очень часто люди просто как собиратели искусства. А после того, как, например, случайно наталкиваются на меня по рекомендации, они начинают для себя узнавать что-то: что за сюжет, что это за встреча Марии и Елисаветы. Что-то читают; иногда, как мне говорят, с детьми. Я не утверждаю, что я могу кого-то воцерковить, но такое же тоже может произойти. И я сталкивалась с обратной ситуацией, когда мне говорят: «Твой Бог ближе, и мы хотим Его домой, хотим перед обедом перекреститься перед твоей Богородицей». Пусть она и эфиопская, и шокирующе выглядит для русского визуального кода, к которому мы все привыкли.

С. А.: А что такое визуальный код?

Э. Я.: Ну, это вот какие-то лики русоволосые, голубоглазые или светлолицые; какого-то определённого гематитового цвета плащ Богородицы. Это то, что человек считывает уже на расстоянии. Когда он видит цветовое пятно, он видит пятно иконы, а когда он видит моё пятно, он не сразу понимает, что это икона.

С. А.: Смотря кто видит.

Э. Я.: Ну, ненасмотренные люди и невоцерковлённые, да?

С. А.: Ненасмотренные, да. Насмотренные, конечно, сразу понимают, что это. А почему Псков?

Э. Я.: Живу?

С. А.: Да. Почему во Пскове?

Э. Я.: Мы из Москвы приехали. Я с родителями до 11 лет жила в Москве, а потом они переехали. Они очень верующие люди. По благословению отца Кирилла из Троице-Сергиевой лавры переехали к Псково-Печерскому мона-

стырю, перевезли детей – нас с братом. Брат потом вырос и уехал в Москву. Я уже в такой мегаполис вряд ли вернусь, у меня дети родились, я не вижу своей жизни в мегаполисе, хотя езжу. Но мне не нравится какая-то такая маска отчуждённости, что ты как будто бы в толпе, но как будто бы один. Мне кажется, в провинции ты не совсем один. Ты можешь упасть, и к тебе подойдут. А в Москве, мне кажется, через тебя перешагнут. У меня просто там первый муж работал, и он уезжал и приезжал к нам на выходные, раз в месяц. Я прямо видела, как он такой коркой циничности и жёсткости московской обрастает. Печорский человек, из маленького города, и он прямо с каждым месяцем менялся, как будто чуть-чуть у него кожурка такая, как на луке, нарастала. Ему этого как раз не хватало, он был очень мягкий, то есть ему это на пользу было. А вообще мне это не очень нравится и не близко. Мне хорошо, и мне нет разницы, где жить. Просто меня туда увезли, и я там уже потом купила участок, построила дом и занимаюсь там. Когда мне взрослый сын говорит (ему уже 18), что вот, дескать, Россия, а я не родила его в самолёте над Америкой: тогда он же стал бы гражданином Америки и не рос в России с маленькими возможностями. А мне прямо всё здесь по кайфу, я живу в отдалённости, рисую как-то…

Эльмира Ярудова. Богородица (слева). Встреча Марии и Елисаветы (справа)
Фото: Сергей Аванесов, 2024

С. А.: Ну это Вы, скорее, от противного сейчас говорите: что Псков не Москва. А сам-то по себе Псков?

Э. Я.: Не то чтобы я его выбирала.

С. А.: Я понимаю, но вот теперь вы же там остаётесь, живёте, то есть Вы всё-таки согласны жить именно во Пскове. Какой он для Вас? Что Вы в этом городе находите для себя?

Э. Я.: Ну, это же какая-то сила тебя держит, когда ты здесь с 11 лет рос, у тебя где-то рядом друзья, с которыми ты общаешься, к которым ездишь.

С. А.: Но ты же можешь при этом ненавидеть этот город, потому что, допустим, тебя силком сюда привезли.

Э. Я.: Не то чтобы я что-то особенное именно к Пскову чувствовала. Просто это город, где я осела. Меня же привезли сначала в Печоры, а я оттуда уехала в город побольше, потому что у меня сын заболел, мне нужна была более обширная медицинская помощь. И вообще город Печоры – он прямо монастырь и несколько продуктовых магазинов, там очень мало чего есть для жизни с детьми, поэтому я выбрала другой город. Но у меня нет такого чувства, что Псков – это моя родина. Я скорее к России в целом так отношусь. Я считаю, что вне России меня просто нет, я не вижу себя вне России. Я патриот такой внутренний, не правительства, не порядка какого-то, а просто воздуха, деревьев, храмов, русского языка… Просто такой душевный патриот. И мне кажется, что каждый создаёт себе такую мини-вселенную. Если он хочет жить в некомфортной вселенной, он себе её создаст и в Америке: он приедет туда, будет окружать себя коконом недовольства, ругать правительство США, находить там кучу бюрократии… А вот я живу в гармонии, независимо ни от чего.

С. А.: То есть в России можно быть свободным?

Э. Я.: Да.

С. А.: Как и в иконописи можно быть свободным.

Э. Я.: И это же внутреннее состояние, вот как раз-таки то, что и надо наладить. Мне кажется, самое важное – это когда ты в ладу сам с собой. Я не знаю, чувствуется ли это в моих работах: что я не совершаю кощунства, надругательства, что я в ладу с собой. Может быть, это чувствуется, и ещё какая-то смелость. И поэтому люди смотрят на это и тянутся к этому. Ну, часто же что-то передаётся визуальным языком. И ещё я вижу очень много людей, которые пытаются в наиве говорить именно на религиозные темы, работать в жанре иконы. Иногда рассматриваю и понимаю, что вот некто делает же всё то же самое, что я, но меня вообще не впечатляет. Он и цвета делает грязные, и ломает пропорции, и вроде рассказывает что-то там по ходу, но вот я вообще не подпишусь. А есть кто-то, у кого, я прямо вижу, стиль зарождается. Есть девочка одна, я за ней стала наблюдать, рассказывала у себя в канале о ней. Она только-только начала, и мне присылает кто-то её работы. Я говорю: «Да, я знаю, это такая-то девушка рисует». Потому что она вот только начала, а я её уже узнаю из тысячи. У неё уже есть что-то такое истинное, какой-то такой стерженёк искренности.

С. А.: В этой связи, как Вы думаете, важно ли авторство в творчестве, в том числе в иконографическом творчестве? Не должна ли икона быть анонимной? Или всё-таки авторство тоже играет какую-то роль, а если да, то какую?

Э. Я.: Я думаю, что подписью я беру на себя ответственность за то, что я сделала. Я это делаю не из тщеславия, не чтобы авторство сохранить, просто я подтверждаю, что я это рисовала в 2024 или в 2022 году, и я беру за это ответственность. Это же моя работа, дело моих рук. И в иконах то же самое, хотя очень часто с пеной у рта доказывается, что рисовать рукой иконописца должен ангел, и поэтому иконы должны быть анонимны, не подписаны. Но очень часто иконы подписывались. Наверное, Вы знаете доказательства этому, их сотни в музеях.

Человек, который пишет икону, должен быть такой, который не разрушает, не делает дыр в озоновом слое вселенной чем-то плохим, даже мыслями.

Вот что для меня важно. Я думаю, что важен общий план жизни, а не то, что ты выпил вина в среду или, не знаю, не пошёл в храм в воскресенье, или не ответил так, как положено, ребёнку, когда не очень в это веришь, например, да? Просто дети же вообще такие, они тебя сразу считывают, понимают, что ты не очень уверен, обманул, и они мало того, что сами в это никогда не поверят, они ещё и тебе не будут доверять, потому что ты мог им соврать. Дети же многому учат. Когда у меня дети рождались и росли, они были прямо как мои учителя. Тем более, что их так много. Сначала один рос, потом второй присоединился, сейчас третий растёт. Они как камертоны.

Они растут в таком обилии икон, и вот младшая (ей 10 лет) спрашивает: «Мам, как ты можешь жить? На тебя же со всех сторон смотрят глаза. Ты ходишь по комнате, а они как будто за тобой, да?» Я вот не замечаю, а её это пугает. В моём детстве меня бы повели на отчитку, если бы я родителям так сказала, к старцу бы куда-нибудь повезли, потому что ребёнок так не должен говорить. Сын может сказать про какие-нибудь цветы, проходя, что красиво; но он тоже не фанат, он совсем в других сферах. А дочка, старшая, на графического дизайнера выучилась, ей всё это очень близко. Она рисует что-то похожее, тоже не в академическом стиле, но в цифровом формате. Какие-то вывески делает, дизайн. И, например, визитки и сайт мне делала она, потому что мне не надо объяснять, чего я хочу. Она понимает, что со мной срезонирует.

С. А.: Последний вопрос.

Э. Я.: Я заболтала, да?

С. А.: Нет. Все замечательно. Возникают ли у Вас самой вопросы к себе по поводу Вашей художественной деятельности, стиля?

Э. Я.: Какие вопросы?

С. А.: Вы сами себе вопросы задаёте, или Вам как бы всё понятно, ясно и однозначно?

Э. Я.: Я, наверное, постоянно решаю какие-то свои вопросы, ставлю себе какие-то микрозадачи.

С. А.: А вопросы по поводу творчества?

Э. Я.: По поводу творчества? У меня вот есть всякой дикой формы доски. Я, например, хожу, когда у меня нет заказов (я же вольный человек), хожу и думаю… Выбираю доску, например. Доска ещё и неровная. В смысле, не с двух сторон одинаковая. Несимметричная. Вот у меня Николай Чудотворец был на такой, как облачко, доске. И я хотела туда что-нибудь вписать, что туда впишется. Ты ходишь и ищешь, а потом пытаешься решить какую-то задачу: чтобы сломать форму или не сломать, чтобы этого не было видно, чтобы оно гармонично туда легло. Например, вижу какое-то, скажем, синее небо и чёрное дерево и думаю: надо мне в такой гамме нарисовать, иду и рисую. Или я очень люблю рисовать ангелов, они же такие: что-то такое зооморфное, то, что не имеет облика, о них же вообще есть только одни слова, вообще их никто не видел. Или вот, например, – он же абсолютно узнаваемый, этот ангел. И я очень люблю их рисовать, у меня очень много разных видов ангелов. Кто-то же как-то в жизни бережет тебя всё время, кто-то всегда рядом, наверное, ангелы же.

С. А.: Конечно. Это речь скорее о задачах, а вот есть ли вопросы по поводу того, правильно ли вы делаете, когда именно так рисуете, в такой манере?

Э. Я.: Нет, у меня всё в гармонии, я убеждена, что если я испытываю от этого подъём, эйфорию, и если это так заходит кому-то ещё, кроме меня, то я всё делаю правильно, и у меня нет вопросов. Я, наверное, какого-то другого пути не вижу. Конечно, бывает, что, например, у меня берут интервью или записывают и спрашивают: «Что бы Вы могли себе пожелать? Какие у Вас планы?» Нет, такого точно нет. Будут появляться работы, копиться, можно будет их куда-то выставить, показать. Нет, просто хотелось бы продолжать. Есть столько всего, что я ещё не рисовала! Хотелось бы просто рисовать.

С. А.: Не нарисовались ещё?

Э. Я.: Я – нет. Два года всего рисую.

С. А.: Да?

Э. Я.: Да.

С. А.: Вообще-то история у Вас длинная уже.

Э. Я.: Да. Ну, но наив-то – два года только. И столько уже всего. И получается! Вообще у нас есть ещё отец Алексей Трунин, с кого вообще началось всё это движение, кто вдохновил Андрея Бодько ещё студентом (он диплом рисовал уже под влиянием отца Алексея Трунина). Вот мы, когда в Москве, мы все собираемся к нему, привозим свои работы, слушаем его мнение. Если он там что-то хвалит, это просто хочется под стекло и написать, что такого-то числа отец Алексей тут заметил хорошую чёрточку. Я мысль потеряла, да?

С. А.: Нет, просто тут сразу возникает вопрос: Вы так уверены, что всё правильно, всё хорошо, потому что Вы испытываете удовольствие от этого, да? Но теоретически же может быть, что какой-то ещё этап в вашей жизни впереди.

Э. Я.: Вот что говорил мне Андрей Бодько (и это он слышал от отца Алексия): надо вообще понимать, что ты делаешь. Можно почувствовать, что ты понимаешь, что ты делаешь, когда ты лет 13–15 отрисуешь; тогда ты начнёшь хоть что-то понимать в том, что ты делаешь, найдёшь свой язык. А сейчас в тебе звучит то, что ты видел, что ты где-то встретил, вот такое всё. Это ещё не твоё, это…

С. А.: Отклики на то, что произвело впечатление? И пытаешься ответить просто на том же языке?

Э. Я.: Да. А представляете, сколько у меня ещё впереди? Лет 13, через которые я что-то пойму. Это же вообще будоражит. Если ты понимаешь уже, что делаешь, это же очень важно.

С. А.: Но это как-то окончательно и безнадёжно, потому что через год Вы, может быть, откликнетесь на что-то ещё, а ещё через год – ещё на что-то.

Э. Я.: Безнадёжно для чего? Надежда – она же для чего-то должна быть, если мы куда-то идём, а если мы просто получаем удовольствие от жизни и рисуем, это же при том, что нет надежды на что-то, ни продаваемости, ничего. Меня вообще ничем таким нельзя увлечь. Это сейчас так. Я не знаю, что будет дальше. Но сейчас нет того, чтобы меня могло обнадёжить или нет, потому что нет никаких целей кроме того, чтобы просто участвовать в мировом искусстве.

С. А.: Это очень достойно. Спасибо большое. Очень рад был с Вами побеседовать.

Э. Я.: Вам спасибо.

Информация об авторах
Сергей Сергеевич Аванесов
доктор философских наук, профессор
директор научно-образовательного центра «Гуманитарная урбанистика»
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
Российская Федерация, 173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1081-4871
e-mail: iskiteam@yandex.ru

Эльмира Чигалиевна Ярудова
педагог по композиции и живописи
Псковская детская художественная студия «Полосатый кот»
Российская Федерация, 180004, Псков, Октябрьский проспект, 54
ORCID: https://orcid.org/0009-0000-1063-6393
e-mail: elmira.iarud@mail.ru

Information about the authors
Sergey S. Avanesov
Dr. Sci. (Philosophy), Professor
Director of the Research and Educational Centre for Humanitarian Urbanistics
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
41, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya St., Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1081-4871
e-mail: iskiteam@yandex.ru

Elmira Ch. Iarudova
Teacher of Composition and Painting
Pskov Children's Art Studio "Striped cat"
54, Oktyabrskiy Ave., Pskov, 180004, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0009-0000-1063-6393
e-mail: elmira.iarud@mail.ru

Материал поступил в редакцию / Received 12.09.2024
Принят к публикации / Accepted 27.01.2025